

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем «История Карамзина» привлекает к себе читателей многих поколений? Прежде всего тем, что это прекрасно изложенная история людей, их деяний, замыслов, чувств. Она рисует судьбу правителей и подчинена единой идее, пусть ложной, но тем не менее создавшей на всем пространстве многотомного изложения род единого грандиозного сюжета. Драматические события чередуются в ней с патриотическими радостными.

Личное отношение Карамзина пронизывает все изложение: личные взгляды на людей, на события, на судьбы государства. Само государство становится для Карамзина чем-то, что волновало его своей жизнью и, в известной степени, заслоняло даже народ- простых людей во всяком случае; а это вскоре и было замечено читателями.

Н.А. Полевой сознательно противопоставил «Истории государства Российского» свою «Историю русского народа» (1829-1833), но не справился с задачей- не только потому, что в фактической форме принужден был следовать за Карамзиным, но просто –по недостатку таланта.

Талант Карамзина в «Истории государства Российского» сказался не только в изложении, построении, языке, мастерстве характеристик, но и в том, что можно назвать *монументальностью* мышления, в умении отобрать наиболее значительное, не погрязнуть в мелочах, писать с широким размахом, большими и крепкими мазками.

Как и всех прогрессивных современников Карамзина, в большинстве своем несогласных с его общей монархической концепцией противоречит в Карамзине-историке Карамзин-писатель. И странное дело, - нас не раздражают его морализирующие тенденции. Мы смотрим на них как на неизбежное проявление того литературного направления, к которому принадлежал Карамзин - сентиментализма.

Своему мастерству «большого мышления», умению обобщать важнейшие явления истории и современности Карамзин научился уже в своих «Письмах русского путешественника».

Начиная с 1803 года и до самой смерти в 1826 году, Карамзин почти исключительно занимался написанием «Истории государства Российского». Но еще до 1803 года он писал на исторические темы, создавал портреты исторических лиц. И в этом проявилась особенность русского сентиментализма как литературного направления: показать человека в его внутренней жизни на фоне истории, на фоне человеческого общества в целом.

Свой труд Карамзин рассматривал прежде всего как литературный; он хотел создать занимательное чтение по русской истории. И именно таким видим его и мы. Но, создавая *занимательное* чтение, он не поддавался безудержному полету фантазии, соблазну угодить неподготовленному читателю, не сочинял альковных историй и не снижал образы государственных деятелей до уровня обывательских интересов. Он был исследователем, стремящимся установить прежде всего всю правду, но рассказать эту историческую правду так, чтобы о ней было интересно читать.

Занимательность не была для Карамзина самоцелью. Скорее наоборот, занимательность была подчинена патриотическим и исследовательским задачам - как он их видел и ставил. Патриотизм истории в его понимании заключался в том, чтобы заинтересовать читателя судьбами своей страны. Отсюда глубокий лиризм его повествования –лиризм, перекрывающий собою грандиозную этическую и драматическую тему-русскую историю, историю развития русской государственности.

Стремясь добиться полнокровного, насыщенного фактами изложения, Карамзин обследовал основные архивы, изучил источники печатные и, что для нас гораздо важнее, рукописные, часть из которых погибли в московском пожаре 1812 года. Он был в курсе научной критики текстов, начавшей развиваться как в Западной Европе, так и в России именно в его время.

В предисловии к своему труду Карамзин пишет: «Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей...». Занятый преимущественно судьбой правителей, он понимал; однако, что через правителей проявляются прежде всего общие судьбы народов. Он уделяет много внимания описаниям быта, истории торговли и земледелия. Он не забывал о народе, когда писал историю государства.

Монархизм Карамзина мы воспринимаем сейчас как своего рода литературную условность, на которой строится изложение. И приблизительно так, как, читая приключенческий роман, мы заранее уверены в благополучном конце, мы следим в «Истории государства Российского» главным образом за тем, как автор доведет нас до радостного окончания.

Но в «Истории государства Российского» этого «радостного окончания» нет не только потому, что Карамзину не хватило на него жизни, а потому, что его вообще не могло быть: слишком сложные задачи ставили его монархические концепции- и XVII, и XVIII вв. с их народными движениями, восстаниями, трагической судьбой монархии и самих монархов в новое время. В сущности то, что двигало монархическими симпатиями Карамзина-история государственного объединения страны, - было закончено воссоединением России, части Украины и Белоруссии. И этот внешний успех русской государственности не мог бы удовлетворить Карамзина, если бы даже у него хватило жизни довести до конца свой труд: в глубоком кризисе оказалось внутреннее объединение народа, встретившееся с глубочайшими классовыми и сословными противоречиями, полными драматизма восстаниями и крайним обнищанием основной части трудового населения.

Концепция Карамзина не могла бы быть распространена без крупнейших изменений истине на два последних для него века- XVII и XVIII. Мы не должны упрекать Карамзина за его взгляды и оценки. Они были взглядами и оценками его времени, хотя современниками Карамзина были и такие люди, как А.Н. Радищев, а предшественником- Н. И. Новиков.

Пушкин сочинил свою известную эпиграмму на «Историю» Карамзина в молодые годы:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья-
И прелести кнута.

Но уже в 1826 году он вспоминал: «Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле (Пушкин был болен. – Д. Л.) с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало)наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин)-пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им известную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка- Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свет, толки были во всей силе... У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина- зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в учебный кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам... Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал *Историю* свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и уверенности. Он рассказал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники- чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

На этой длинной цитате из «Воспоминаний» Пушкина, писанных им в Михайловском вскоре после создания «Бориса Годунова», хотелось бы закончить краткое предисловие к «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина.

Д.С. Лихачев